

HB

8 5 3572.

NY 1916 C

К 1916 С П 16 Г 7

Ан

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Отъ Сержанта типографіи Падворнаго Советника М.
Вурьяева

Силью свидѣтельствую что, книга _____ подъ заглавіемъ

Поименованна на Малоросійскомъ языкѣ Е. Тресина

_____ по силѣ § 37. Устава

о Ценсурѣ, съ прилагаемого при томъ одобренною въ Ценсурѣ

рукописно _____ напечатана во всемъ сходно.

Мад. Сов. М. Вурьяеву,

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Апрѣль _____ дня

1826 годъ

ОТТОБЕРТЕНСКО

1916

НАЦИОНАЛНА БИБЛИОТЕКА
И МУЗЕЙ

HB

Э I 3572.

ПЕРВАЯ ПЕРВОУЧЕТНАЯ
С. Петербургъ 25 Января 1877 года

ПОЛТАВА.

1916

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
С. Петербургъ 25 Июля 1835 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

№ 525. 25 апр. 1856.

НВ

813572

ПОЛТАВА.

ПОЭМА А. С. ПУШКИНА.

Вольный переводъ на Малоросійскій
языкъ.

Е. ГРЕБЕНКИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ВОРОБЬЕВА,
1856 года.

*Виньдана
Гасви*

ДЕР. ГОС. Б-Т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

16440.
Перев. 1950

Handwritten text at the top of the page, possibly a title or address, written in a cursive script.

NOTICE

ROBERT A. C. BURNETT

719113

0440
[Stamp]

CLINTON COUNTY
In testimony whereof, I have hereunto set my hand and seal this 18th day of 1885.

Handwritten signatures and notes at the bottom left of the page.

CLINTON COUNTY
NOTARY PUBLIC
[Stamp]

П О С В Я Щ А Е Т С Я

А Л Е К С А Н Д Р У С Е Р Г Е Е В И Ч У

П У Ш К И Н У.

Купон

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатый дуже Кочубей:

Юго ланамъ конца немає,
Юго отара скризь гуляе
Въ зеленимъ лузи безъ людей;
А лугъ ажъ стогне пидь воламы,
Пидь киньмы гарнымы й вивцямы.
Богацько у юго добра,
Отласу, хутра и срибла,
На видноци и пидь замкамы
Та пышный Кочубей не тимъ,
Не довгогрывимы конямы
Не батькивскимы хуторямы,
Не злотомъ, бачите, якимъ
Юго що годъ даруе Крымъ;
Дочкою гарною своею
Ты забогативъ Кочубею!

Тай правды ничего ховать,
Нигде нема Маруси ривни,
Вона мовъ квитка та дубривна,
Що тилько стала розцвитать;
Тополя буцимъ на могыли,
Гинкый, та гнучий станъ премылый;

Якъ шумъ биліе вся вона;
Кругомъ дивоцького чола,
Мовъ хмары, косы бованіють,
Якъ Макивочка — рить красіе,
Очици — якъ зиркы бльщять.
Вродльвая! ни втять, ни взять.

Та не одною липотою
Маруся звисна стала всимъ;
А бильше розумомъ своимъ,
Витльвимъ серцемъ и цнотою.
За те моторныхъ женихивъ
Сваты товчутся у порога,
Та щось винця, мовъ кайданивъ,
Лякается моя небога;
Всимъ молодимъ—гарбузь якъ тутъ,
Ажъ ось сваты Гетьмана йдуть.

Старый винъ, спитканный війною,
Годамы, працею, смутою;
Щожъ? духъ Мазепы закъпивъ,
И — знову Гетьманъ полюбовивъ!
Хочъ винъ до пелеха сидого

Изъ парубкы молодого
Не перескочывъ, переживъ.
Не сарна пидъ байракъ втикае
Орла почувшы на спыни;
По синямъ Панна похожае,
И жде що скажутъ: такъ, чы ни.

Ось выйшла маты, и зъ сліозамы
Приголубливимы словами
За руку взявшы каже їй:
«Брыдкый, мерзеный, глянь поганецъ!
Чы можно? ни паскудный ланецъ!
Гриха ты не збудуешь, злый!
Тобибъ, якъ то ведеться викомъ
Хрещеньцынимъ Батькомъ быть...
Його черты у пекли ждуть;
Винъ хоче быть їй чоловикомъ!»..
Маруся задрожала, зъ рукъ
Зпустилась хустка шовковая,
Поблидшы, нибы неживая,
Упала дивка на рундукъ.

Хочъ одыйшла вона, да знова
Зымкнула очи; ни пивъ слова

Некаже; батько, маты тутъ
Била їи усе возымысь;
Хрыстылысь, плакалы моылысь.
Воны того сердешни ждуть,
Щобъ їи на сердци лехше стало,
Щобъ дытятко хочь закуняло.
Не тутъ було, два цылыхъ дня
Все мовчкы хлыпала вона,
Ничого ни пыла, ни ила,
Опричь людей соби ходыла;
Тынялась утинка, якъ гычь
Одъ витру гнется при дорози;
Було смутнесенько небози,
Все рюмала, не третю ничь
Лыха годинонька настала:
И свитльця зпустковала.

Нихто незнавъ, колы вона,
Пидь ничку, сплыснула зъ двора;
И тильки мовъ козацкій гоминь
Ту ничь въ саду рыбалка чувъ,
Та въ ранци слидъ на лузи бувъ,
Що по роси скакалы кони.

Не тилько парубоцкый, чорный,
Закручованый усь моторный,
Чаруе молодихъ дивчатъ;
А деколы й старого взглядъ,
Що дывытся, мовь сычь зь пидь стрихы,
Давно забувши жарты й смихы,
Знаходить не дивчыну, кладъ,

Незнаю якъ робылось тее;
А швидко и до Кочубея
Такая звисточка дойшла,
Що позабувши Бога й соромъ,
Його дочка въ Гетьманскій хоромъ
Якъ полюбовныця ввійшла.
Що тутъ робить? и батько и маты
Соромляются выйты зь хаты,
Не слухають, що каже людъ.
Да якъ хрещенихъ обмануть?
Тогди усимъ, бачь, стало лвно,
Чого збентежыла такъ марно,
Вона веселость литъ своихъ;
Чого тыхенько все здыхала
Й на зальщанья молодихъ

Забаскальчившысь мовчала.
Чого въ беседи за столомъ
Вона все слухала Гетьмана;
Колы горилка шумовала
И чарка повнымась виномъ.
Чого все пьсьни ти спивала,
Що винъ колысь компоновавъ,
Колы іого ниhto незнавъ,
Колы іого ще доля спала.
Чого, мовъ парубокъ, вона
Любыла висько и коня
И гукъ и галасъ барабана:
Якъ тильки въ чыстый степъ зъ двора
Блысне бунчукъ и булава
Ясновельможного Гетьмана

Нивроку, мае Кочубей
Худибчыну, мовъ и въ людей
Въ іого пріятелівъ багато,
Іому ничего, сыдя въ хати,
Въ Пилтави смутокъ заплодить,
Винъ здужа, Гетьману злодію,
Сриблехвиліовастому змію,

У сердце нижь загородить ,
Винь здужа, здужа . . . да не тее
Лежить ка думци Кочубея! . . .

За билого Царя Петра

(: Колысь давно робылось дуже)

Винь бувъ розумный, гарный, дужый,
Шмыглявь, въ шатро изъ пидь шатра
За трыдевать земель въ чужбыни:

Дывывсь на дывовыжи тамъ,

И те заводывъ въ Московщени,

Що льготою було людямъ.

Попавсь небижчыкъ въ анацію,

Якъ Шведъ крутивъ, бачь, веремію ,

Въ Москву славъ висько видусиль.

Покры невивчывьсь воеваты

Петро, тай давъ поганцямъ знаты!

Одяковавъ за хлибъ, за силь.

Вершлягъ хочь шклянку розбывае,

Та штуку зъ крыщи выгынае

Карль постягавшы Нимцивъ сылу
Ышовъ вѣиною на Москву;
Змитавшы Москаливъ дружыны,

Якъ выхорь пыль жене зъ долины
И на облози гне траву.

Тогди Украина мурмотала,
Мовъ литомъ бжилъ на сонци рій.
Вона до себе Карла ждала,
Щобъ волю давъ скорище ій.
Кругомъ Гетьмана обзывався
Негарный гвалтъ: пора! пора!
А все, здавалось, оставався
Мазепа вирнымъ до Петра.
Буцимъ не чуючы ничего
Гетьманъ ни на що не дывивъ,
Цуравсь умысне одъ усіого,
Зъ бенкетами, то що, водывсь.

«Щожъ Гетьманъ!» парубкы гукалы,
„Чого винъ жде старый Іовтухъ?
Годы та праця зопсовалы
У іого Атаманьскый духъ.
Чого жиночою рукою
Ище винъ носить булаву?
Теперь ушкварить бы вїйною
На ту ненависну Москву!

Колыбѣ старый нашъ Дорошенко
И Самойловичъ молодой,
Або Палій и Гордіенко
И-зъ козакамы стали въ стрій;
Тогди въ снигу, въ лыхій годыни
Въ Москви не дохлыбѣ козакамы»....
И скрызъ по селамъ Украины
Рушалы сотни и повкы.

Хто зыйде въ ричку, якъ покрые
Изъ верху крыга ричку ту?
Хто зъ васъ пидлызы темноту,
Лукавого, хто врозуміе,
Ехидковату простоту?
Чимъ сердце у кого поганше,
Тимъ зъ выду винъ буває краще.
Плохенькый буцимъ ягныня,
Мазена зъ дидусемъ товкуе
О старосвицкихъ, гарныхъ дняхъ;
И зъ безталаннымъ самъ жалкуе;
Зъ бурлакамы соби мыркуе
Про волю, се то те плете;
Дивчатамъ меле про коханье,
И зъ молодымъ про зальщанье,

Зъ дурнымъ розумну ричь веде.

Давно у пазуси пидъ бокомъ
Мазепа гадыну зогривъ,
Та Кочубей орлячимъ окомъ
Ту злистъ гадючу прослидывъ.
„Я соромъ свій и соромъ жинкы
„Незакохаю межъ людей
(:Скрегоча каже Кочубей:)
Я не займу твои будынкы,
Турьму Марусеньки моей
Ты не зпечешся на пожари,
Втечешъ и шабельной кары
Тоби се трохы; ни въ Москви,
Якъ व्यюнъ व्यучысь въ клищахъ Москов-
скихъ,
Въ горячій пльвучы крови,
Изкорчывшысь одъ мукъ бисовскихъ,
Ты проклянешъ, той день и часъ
Колы дочку хрыстывъ у насъ,
И беседу, де повну чашу
Тоби, я зъ чести, намывавъ,
И ничь, якъ голубьятко наше

Старый Шульпика заклювавъ!,,

Кольсь то времячко бувало

Воны братецьки, мовъ, жылы;

У купи илы хлибъ чы мало,

Або й вареную пылы.

Кольсь, и на поли скакалы

Ихъ кони поручь на неvirь;

Дня не було щобъ не виталы

Воны одынь другого двирь.

Балакаючы зъ Кочубеемъ

Тогди Гетьманъ не постеригсь;

Бачь закъдавъ на те, на сее,

Та въ дурни, ни-видсиль пострыгсь.

Теперь одно судья кохае,

Бажа умысне одного:

Дочку одъ лыха одвалае

И ворога свого зволае,

Або издохне одъ його.

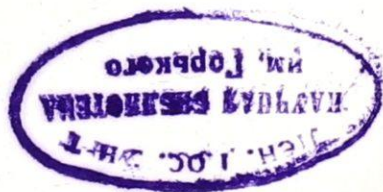
Винъ злисть у сердци затаившы,

Прикынувсь буцимъ забувавъ

Свою биду; и дочку гирше

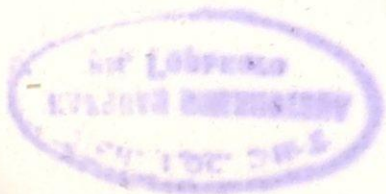
Передъ народомъ кепковавъ.

16440.

Але, промежь ридни шукавъ
Соби товарищивъ вирнищихъ.
И жинцы нышкомъ росказавъ,
Що на Гетьмана винь доносить.
(: Мабуть самый нечыстый просить
Жинокъ до дила вербовать :)
Ни исти не дае ни спать,
Все шепче жинка Кочубею,
Домовыкомъ за нимъ лита,
Щобъ лысты славъ винь до Петра,
Гарчыть съ доукою своею:
„Мабуть не зробишь? забожысь!
— Ну добре, тильки видступысь
И винь кленется передь нею!

Помырковалы, погадалы,
Зробылы все, якъ добре зналы,
Зкомпоновалы лысть Петру.
Лысть на Гетьмана препоганый,
И Искра, Кочубей и Пани,
Що зналы, все мостылы тутъ.
Та хтожь яснійшому Цареву,
Московскому Государеву,

Папирь сей вирно донесе?
Вродьлось на биду усе:

Бувъ найкращый межъ козакамы
Одынъ ще молодой козакъ;
И сей зъ другимы парубкамы
Гарбузь изхрумавъ неборакъ.
Марусеньку кохавъ винъ дуже,
Про його все було бай-дуже,
Але про мылюю гадавъ
И въ думкахъ ниченькы не спавъ.
Блукавъ що дня, або край ричкы,
Або ховався у поричкы
Щобъ подивытсья якъ вона
Зъ господы куды небудь йшла.

Кольжъ межъ людомъ про Марусю
Негарный поговирь литавъ,
Неперемигъ свою винъ душу,
Про си мовчкы жалковавъ,
А все кохать не преставъ.
И мья пресучого Гетьмана,
Мовъ жьдѣ, якесь имья Гамана,
Кусавшы чорный усь ворчавъ.

Хто мисяцемъ, та по зори
Закато скаче на кони?
Чій кинь, мовь Крымкый хирть пид-
жарый,
Степомъ, такъ швидко, прудко парить?

Козакъ въ Московщину летьть;
Козакъ ни исть, ни пье, ни спить,
Ни въ чистимъ поли, ни въ дуброви,
Ни на дубу, ни на пороми.

Якъ скло, шаблюка такъ бльщить,
Капшукъ у пазуси бряжчить;
Не спотыкавшись кинь порскльвий
Бижить, пуска по витру гриву.

Забавка шабля, молодцю,
Дукативъ, требажъ бачь, гонцю;
Коня, соби въ пидмогу мае,
Та шапци грошей не зкладае.

Раднищый винъ за ей дать
Коня дукаты и булатъ;
И бь отдавъ хибабь якъ куля
Юго зь коня навзнычъ зыпхнула.

Чогожъ за шапку винь крепить?
— Бо въ шапци тій папирь лежить,
Папирь на лютого Гетьмана
Царю, одь Кочубея пана.

Гетьмань хуртовыны нечуе,
По своему усе мудруе.
Якійсь то старець, то чернець,
Що вечерь лизуть у дворець
И тамь всю ничь, мовь розбышаки,
Або у вивчаря собаки,
До свита билого гарчать.
Недобре щось вони товкують,
Землею ридною торгують,
Торгують Богомь и Царемь
Зь невірнымь Шведскимь Королемь.
Поганьци, найметы Гетьмана,
Видь ричкы Ворсклы до Лымана
Пускають межь народь ману;
Заворушымысь Запорожци,
Загомонины Чорноморци,
Гудуть станыци на Дону.
Вь Очакови, земли Турецкій,

Зыбралась, щось не побретецьки,
Песиголовцивъ череда;
Въ Москви Король воюе Шведскій,
Гогоче Крымская орда.

Якъ же псяюха винь злякався
Колы надь нимь ушкварывь гримь;
Колы йому зь Москвы прыслався
Папирь, зь доносомь тимь самимь,
Що на його видсиль посламы.
Боярство изь Москвы пысало
Ласкавый до його прывить,
Такимь сякимь його витало.
(Бо вовка за ягнятко мало.)
Такый и бувь, и буде свить!
Самь Царь Петро, вельможный, бильый,
Муштруючы вельки сылы
Насупротывь Немецкихъ вискъ;
Въ смути не розыбравь доноса
И нахвалявсь утерты носа
И выбыть зь невгамонныхъ вискъ.

Облывшысь теплыми слезамы
(Хочь мабуть терь по пидь очамы:)

Мазепа листъ Царю пысавъ,
И такъ йому слезовавъ :
То бачыть свить и Госпидь знае,
Що я Гетьманомъ 20 литъ;
Цареве все, що я ни маю !
И я теперъ никчемный дидь
Коверзовавъ бы ще про зраду?
Глянь що не вымудруе зло!
На що мини бентежить славу?
Хыбажъ не я то, Станиславу
Видказъ одризавъ на голо?
Хыбажъ не я поклонивъ Хана
И Цареградскаго Султана
И чуть и бачыть не хотивъ?
Нежалуючы праці й крови
Изъ одной къ Царю любви,
Що разъ по переду повкивъ
Крышывъ паскудныхъ ворогивъ.
Хыбажъ не я? ., та що й казаты!
Теперь же юнь іого я маты,
Не мене навелы туманъ !
Чого я не чувавъ изъ роду!
Мабуть изъ пальця смокчуть воду

И Кочубей и Искра пань!
Я зъ нмы живъ якъ изъ братамы!..
И зъ прыкыдливимы сліозами
Бажае смерти ихъ Гетьмань!

Чого ты хочешъ, песькый сыну?
Чого еси ты забажавъ?
Ты Кочубейскую дытыну
Хыба давно якъ обнимавъ?
Маруся! бидная Маруся!
Охъ, страшно, вымовить боюся,
Колыбъ пизнала те, кого
Вона до сердца прыхыляе!
Про те вся Украина знае,
Одна не знаешъ ты того.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ

Мазепа дуже щось смутный;
Стоить Маруся бия іого.
Винь не балакае ничего,
Звычайно кажуть: самъ не свій.
Хочь що вона іого й пытае,
Винь, буцимъ то, не дочувае.
Мовчанка їй надопекла,
Їй дуже, дуже жалко стало,
Небога щиро зарыдала,
И такъ казаты почала:

М а р у с я .

Чогось ты не зъ добра сумуешь,
Одь мене утикаешъ ты;
Мабуть погане щось мудруешь
Мабуть не любишь сыроты!
Охъ, серденько не добре чуе,
И день и ниченьку больть;

Не знаю, що воно вищує,
А щось мене не веселить.
Дарма що въ ту... ты знаешь, ничку,
Якъ погасывшы въ хати свичку
Божывся вигъ мене любить;
Тогди.... якъ стала я твоею,
Якъ розриднылася зъ риднею,
Ты мусывъ, безъ мене не жыть;
Теперь зовсимъ не тее дило.....
Мабуть тоби я надоила;
Ты день — денычкы въ сторони,
Зызнався зъ Дульскою якоюсь
Ну одчогожъ, скажи мини,
Николы ты передо мною
Про Дульску слова не сказавъ?

М а з е п а

Воно! я й перше угадавъ!
Отце ты серденько ревныва.
Зъ якогобъ, навигенный, дыва
Я за дивчатамы гасавъ?
Хыбажъ отцій сидій чупрыни
Дотепно кланятеся дывчыни

Не знаешь добре ты мене!
Минется одь дивчатъ охота,
Якъ въ голови сыдыть робота,
Та всяка думка шью гне....
А ты, изъ дила злыдни робышь

М А Р У С Я

Ты околесьцю городышь!
Не хочу, вепражкы роскажы.

М А З Е П А

Ну слухай сердце, годи, годи,
Да що почувешъ то мовчы:
Давно мы заварылы дило,
Теперь воно кыпять у насъ;
Годына гарная наспила,
Прокалатае швидко часъ.
Давно безъ батьковской славы
Мы, якъ волы, въ ярми жылы,
У подданстви, або Варшавы,
Або велькой Москвы;
Возытса годи зъ Москалямы,

*

Украини царствомъ быть пора:
И я моими козаками,
Шпурну на мощного Петра!
Москаль жахнется передь нами
И може.... буду я Царемъ....
Зь собою за одно я маю
И Карла зь Польскимъ Королемъ,
Княгиня Дульская оттая,
Та старецъ той, та Іезуитъ,
Одь ихъ до мене лысты носять.
Ну, е за що мене журить?
Оттакъ жинкы що дня голосять;
А розпытай, сама не зна,
Чого стальтєся нависна!

М а р у с я

Ты будешь Царь на Украини;
Якъ гарно на сидій чупрыни
Засєє золотый винець!...

М а з е п а

Та почыкай, ще не конецъ,
Богъ вись про те, що дали буде.

МАРУСЯ

Тебе вси поважають люде,
На смерть за тебе, кожний радъ,
Ты кращый будешъ царь одъ Мыру
Тебе жде Царство,

МАЗЕПА

А якъ кать?

МАРУСЯ

Пиду зъ тобою пидь сокыру...

МАЗЕПА

Марусе, рыбонько моя,
Марусе ты мене кохашь!

МАРУСЯ

Хто, я?

МАЗЕПА

— Еге.

МАРУСЯ

Хыба не знаешь!

М А З Е П А

Дорожчый хто тоби, чы я
Чы батько?

М А Р У С Я

Годи серце мые!

М А З Е П А

Що, якъ бы люде присудылы,
Щобъ кого небудь зъ насъ убымы,
А тыбъ обомъ була суддя;
Когобъ пустыма ты на муку?
За кимъ бы впражкы потягла,
За батькомъ, чы за мною руку?

М А Р У С Я

Геть угамуйся, глянь на себе,
Якый страшный ты и бליдный!
И въ пекло я пиду за тебе.

М А З Е П А

Не забувай що кажешъ ты!

Давно вже сонечко зайшло
За гору, гень по той бикъ ричкы;
Ущухнувъ гоминь, давъ Богъ ничку,
На двори тыхо все було.
Зиркы въ горахъ, мыгають, сяють,
Вода якъ чысте скло стоить,
Изъ хмары мисяць выплывае:
Усе мовъ золото бльщыть.
Билоцерквивка, садъ Гетьманскый,
Будынокъ старосвицкый, паньскый,
И ричка повная воды.
Ни що, нигде не зашастуе,
Осыка лыстомъ не жартуе,
Въ будынцижъ, е за те смуты:
Тамъ шепчуть тихимы речамы,
Тамъ у свитльци, за замкамы,
Въ зализахъ Кочубей сыдыть,
И въ небо сумно винь глядыть.

Уранци смерть, не ма винь страху,
Бо смерть для праведныхъ покій.
Та мовчкы якъ ыты на плаху,
Мовъ у ризныцяхъ виль на бій,

БІты на смерць за праве дило,
За те, що мае ворогъ власть;
Весты прыятеля въ напасть,
Несты на муку, честь и тило!
Якъ винь скалытыметя смило,
Махне, и жаба цыщкы дасть!...
И здумавъ Кочубей Пилтаву,
Семью веселу й козакивъ.
И песни дочкы, й першу славу,
Беседу зимнихъ вечоривъ,
И те село, де винь родывся,
Будынокъ батьковскый, старый,
Де винь добро любыть зучывся,
Де нисля праці мовъ покій.
Теперя треба все оставыть!
За що? про що?

А клямка стукъ;
Забрякотило щось замкамы.
»Отце мабуть изновъ для мукъ
Иде Мазепа зъ наймытамы.»
Разъ, лусь замокъ: холодный пить,
Удругый разъ: сыпнуло жаромъ.
»Ни, може то зъ хрыстовимъ даромъ

Иде до мене честный пиць.»
Ось двери скрышь; сусиль до юго,
Мись панотця, зь хрестомъ, святого;
Худенькый, у очу дрибный,
Полыгачь бисивъ, Орлыкъ злый.
На зустрічь Кочубей мовляе:
«Мене ты знову мучить маешь!»

О р л ы к ъ

Не все казавъ, ты ще кажи

К о ч у б е й

Изгинь маро, геть, пречь бижь,
Покынь мене.

О р л ы к ъ.

Однее дило

Намъ заразь треба показать.

К о ч у б е й

Що показать? и такъ насылу
Я самъ на себе набрехать

Зумивъ , що вы мини казали,
Чегожь вы знову забажали ?

О Р Л Ы К Ъ .

Мы знаемо изъ давнихъ литъ
У тебе е клады зарыти ;
Теперь ты оставляешъ свить ,
Скажыжь , твой де гроши скрыти ?

К о ч у б е й

Такъ ! мавъ и не одынь я кладъ ,
Та вы зумилы одыбрать ;
Одынь якъ кровь мою смогталы,
Навикъ одъ мене одтягали ;
Той кладъ бувъ честь ; другой була
Дочка , одъ васъ же не втекла ;
За-знаю я ту ничь прокляту ,
Якъ осоромлялы вы хату .
А третій кладъ въ души сыдыть ;
Винъ мусыть зъ Богомъ говорить . . .
То вичне безголовье кату .

О р л ы к ъ

Покинь не вись що городить ,
Старый та дурень, глянь на небо,
Оттамъ ты будешь завтра жить ,
Кажы де гроши , те намъ треба.
Чогожь замовчавъ ?

К о ч у б е й

Наймытъ злый!

Робы що хочъ , та згынъ швыдчій.
Дай хочъ лягты у домовину ,
Навикы очи дай закрытьъ ;
Тогди, беры мою дытыну ,
Иды и зъ нею скарбъ личить ,
Бижить кривавымы руками
Ломать коморы и зъ ліохамы,
Берить и злото и срибло.
Дочка вамъ схованкы покаже,
Где , якъ лежить , мое добро ,
Вона все зна , и вамъ роскаже.

О р л и к ъ.

Сховавъ де гроши, покажь!
Не хочешъ? гроши де скажь.

Ты швидко заспиваешъ враже!
Кажы, де зхоронивъ ты кладь?
Мовчышъ? Га? що? а ну лышь кать!
И кать прышовъ

Лыха година!

А дежъ Мазепа песькый сынъ,
Де винъ поганая лычына?
— Балака про себе одынъ,
На лижку сыдячы Маруси.
Мовъ гадъ його кусае душу,
А въ голови, нечысте все
Невись якъ розумомъ мутуе:
«Хочъ такъ, хочъ сякъ, а треба се,
Хай ворогъ до чортивъ мандруе!
Та якъ Марусенька знесе,
Колы про смерть отця почуе!
А бильше ничего вылять,
Въ мишку, не заховаешъ шыла
Мини тебе хочъ жалко мыла,
Биды не можно одволать.
Уранци завтра, въ Украини,
Вси, видъ старого, до дытыны

Про смерть судьи загомонять....
Зробить хто хоче певне діло
И незатопыты душу й тило,
До себе жинкы не маны:
Бо зь роду, зь вику не чувалы,
Щобь кэлы небудь у ярми,
Хочь бы возымы, хочь орады,
Укупи вилъ и козыня!
А мисяць бльсь изь за викна.
Мазепа гулькь; Маруся спала.
«Якъ тыхо, гарно спить вона,
Бо ще про лыхо не пизнала;
А завтра!» и паскудный гадь
Видь ей очи выдвертае,
Встае, зь свитлыци выповзае
И шамотить у темный садь.

Давно вже сонечко зайшло
За гору, гень по той бикъ ричкы;
Ущухнувъ гоминь, давъ Богъ ничку,
На двори тыхо все було.
Мазепа выбывся изь моци,
Вь душижъ Мазепы щось страшне,

Зла думка, думку злу жене;
Іому здається, зиркы ночи,
Мовъ Бога праведного очи,
На іого карою глядять,
Й тополи ростучы у рядъ,
Тыняючыся головамъ,
Про іого де що шенотять
Недовидомимы речамы.
И литня ничь іому душна,
Буцимъ пидземная турма.

По малу небо занималось
И край іого почервонивъ;
Все ворущылось, все рушалось,
И лись и етепъ заблыскотивъ;
Уже й пташкы защебеталы,
Годына враншиня настала,
Хрещеный людъ загомонивъ.

Маруся ранкомъ ще куняла.
Кризь сонъ вона не розыбрала,
А чула, не одна була:
И за ногу щось будыло,

Вона очыци видвела
И зновъ зажмурившысь закрыла,
Бо свить зовсимъ ихъ засновавъ.
Зъ просинокъ дивка потягнулась,
До-долу зъ неи кылымъ зпавъ.
«Се ты Мазепо?» и жажнулась:
Другу ий мову хтось казавъ.
Розкрыла кари очынята,
Здається передь нею маты!
«Хто се такой?»

М А Т Ы

Мовчы, мовчы,
Не зкампуты насъ, я въ ночи
Сюды прошылась нибы муха,
Тебе щобъ тильки ублагать,
Щобъ у Гетьмана одволать
Смерть батькови, ой доню слухай!
Зрятуй іого!

М А Р У С Я

Що? батько ... якъ?
Якая смерть?

М а т ы

Хыба не чула!

Хыбажъ се лись, або байракъ?
Ты, бачу, насъ зовсимъ забула!
Ще межъ народомъ ты живешъ,
А не денебудь середь степу;
Катують батька, ты зовешъ
До себе гаспыда Мазепу!
Бижы мерщій, молы іого,
Щобъ одшустывъ отця твого.
Очумайсь дочко, пизно буде!
Зырны, збираются вже люде!
Тебе послуха Гетьманъ злый,
Для іого соромъ ты забула,
Ридню и Бога и покій
Навикъ згубыла

М а р у с я

Що я чула?

Лыха годинонька моя!
Катують батька, Гетьманъ, маты
Передо мною тута въ хати;

Чы зь глузду зсунулуся я?
Мана се чы що?...

М А Т Ы

Госпидь зь намы...

Се не мана, передь очамы

Твоимы, матинка твоя.

Чывжежь сіога ты не чувала,

Що якъ видь насъ помандровала,

На звирость ворогамъ якъ знавь,

Царю твій батько на Гетьмана

Про дещо певне одписавъ.

Що въ мукахъ катержныхъ бидашный

Сказавъ: що зь дуру, врагъ зна на що,

Винь несенитныцю брехавъ.

Гетьману Царь іого оддавъ,

Й передь громадою людскою

И старшиною військовою,

Іому Гетьманъ — боюсь казать —

Зыбрався.... голову одтять!

М А Р У С Я

О мылый Боже! мало, душко!

Якъ порятую батька я...

— И дивка блыснула въ подушкы,
Зовсимъ, мовляють, якъ мерцвя.

Спысы бльщять, шапки рябіють,
Бьють талымбасы. Сердюкы
По полю скачуть, екризь повкы
Ривняются. людъ гомоніе;
А шляхъ, мовъ той гадючый хвистъ,
Знай крутится, та все хвылюе.
На выдшыбъ у степу помистъ,
По іому ходячы жартуе
Зъ народомъ кать, жде биднихъ винъ;
Усе змишалось въ гвалтъ одынъ,
Жиночый крыкъ и людскый гоминъ.
Якъ ось гукнулы: Панъ Гетьманъ!
Ущухло поле, тилки кони
Закопотилы тамъ то тамъ.

Въ середины межъ Сердюкамы,
Вельможный Гетьманъ зъ страшынамы
Скакавъ на чорному кони;
А генъ! по Кіевскій дорози
Тряслыся бендюги. Въ тревози
Туды вси очи навелы;

То горопашныхъ ихъ везлы.
Тамъ, Искра й Кочубей сидилы
Чужи одъ мыру одъ земли;
Въ останній разъ на свить глядилы.
Ось поиздъ ставъ и заревилы
Попы Соборомъ одходну:
Зъ кадильныщъ, наче смертью віе,
Усе запложуе суму;
Мовъ хмара, дымъ крутомъ сывіе.
Тыхенько молытєя весь людъ.
Нещасныхъ, вже на смерть ведуть,
Зыйшмы и прихымысь на плаху
Перехристывшысь Кочубей,
Якъ варомъ облыло людей.
Сокыра свыснула зъ розмаху
И заскакала голова,
Все поле ойкнуло видъ жаху;
Друга, за неюжь скаче зъ плахы,
Покривавылася трава....
И кать поганою рукою
Обыдви за чубы поймавъ,
И ихъ пиднявшы надъ собою
Въ останнѣ людямъ показавъ.

Капуть бедахамъ. Народъ Божый
Балакаючы йде назадъ.
Про урожай, про дощъ погожый,
Про сусидокъ бабы ворчать.
По троху ридчало все поле;
Ажъ ось дви жинкы черезъ шляхъ
Побигли шпарко, у очахъ
У ихъ було велике горе;
Вы опизнылись! хтось сказавъ
И въ поле пальцемъ показавъ;
Помисть дощаный тамъ ламалы,
Молывся въ чорнихъ рызахъ пипть,
И вже на бендюгы стягали
Два козаки зализный грибъ.

Одынъ по переду старшынъ
Гетьманъ скакавъ соби до дому,
Словечка не казавъ никому,
Про себе мырковавъ одынъ.
Не добрый быть тоби годыни!
Юму въ нутру хтось шепотивъ —
И чорный кинь въ питу и въ пини
Но взаводы въ двирецъ влетивъ.

Маруся де? Гетьманъ пытае;
Ни те, ни се іому ворчать.
Винь у свитлицю — тамъ не мае;
Бижить Мазепа прудко въ садъ,
Марусю клыче и гукае;
Якъ лысь по стежкамъ покотывъ;
Все выщатыривъ, обходывъ,
Шарнувъ у терень, зазырае
Въ кущи, крый сажалкы, не мае!
Клене Гетьманъ свій ридъ и плидъ,
Марусынъ захолонувъ слидъ.
Скризь кони по шляхамъ заржалы;
Гонци Мазепы поскакалы
Туды-й-сюды, куды хто знавъ,
Куды хто на швыдку понавъ.

Нихто ни бачывъ ни чувавъ,
Колы вона зъ двора выльнула.
Мазепа мовчкы скреготавъ,
Вся двирня зъ ляку шыю гнула;
Гетьманъ въ свитлицю зачынивсь,
Не спавъ цилисенькои ночи,
Іого зорылы страшно очи,
Винь дуже побывавсь, томывсь.

Вернулись вранци изъ погони,
Еле живи были ихъ кони,
Вся зброя: сидла, нагайки,
Мовлявъ, пидпругы й уздечкы,
Було все пиною облыте,
У кривь помазане, побыте.

А про Марусю не привизь
Ни хто ни яку кажуть звись.
Буцимъ ии зъ земли не стало,
Покынула мовъ дивка мырь.
Безъ неи маты пропадала,
Зъ бидою горе коштувала
Въ чужбыни — що зовуть Сыбирь.

— 84 —

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Щобъ краще одурить Петра
Прыкынувсь хырявимъ Мазепа.
Вси знахори, хто изъ шатра,
Зъ Нименщыны хто, зъ лису, зъ степу,
Вси панькалы бия іого.
Винь дывыться у домовыну,
На іого груди и на спыну
Набгалы врагъ знае чого;
Коржамы тимья облипымы,
У хати ладаномъ кадымы.
Цураючысь видь у сіого,
Бажавъ винь тильки одного:
Щобъ такъ умерты якъ хрещеный.
Архіерея винь зове;
Й поголови іого мерзеный,
Святее муро скризь плыве.

Московщына все Шведа ждала
Чы Швыдко въ гости прычвала,
И мовчкы висько зобирала,

Щобъ певно прочухратъ зъ двора.
Тогди пизналы злу лычыну :
Дременувъ Карль на Украину;
Мазепа мытью зъ лижка вставъ.
Той, що пять разъ вмиравъ учора
И еле ворушивсь, канавъ,
Теперь, йому не мае горя,
Винъ ставъ Петрови ворогъ злый,
Не ма винъ страху за плечима ;
Блескотючы кругомъ очыма
Обзырюе Козацкый стрій.

Скрызь сая вистка полетила.
Украина заклекотила:
Мазепа Москалю зминывъ,
Винъ ставъ теперь полыгаць вражый.
Не гарная зыйшла зоря
Зоря кривава.

Хто роскаже
Всю злисть правдивую Царя?
Гетьмана увесь людъ кепкуе,
Його облычья катъ шматуе
А душу у церьквахъ кленуть ;

На ради кожный коверзуге
Гетьмана иншого добуть.
Видь ричкы, кажутъ, Енысея
Увесь ридь Искры й Кочубея
Назадъ якъ мога привезмы.
До дому, ихъ Петро вертае,
Срибломъ и злотомъ обсыпае.
Видтиль, зъ тыеижъ пакъ земли,
И Палія притеребымы;
Винь не любывъ, крый Боже мымый!
Якъ не любывъ Мазепы винь,
Якъ дуже на іого сварывся.
На шыбенъци не одынъ
Моторный парень опынывся:
Изгынувъ Чечель мовъ блоха,
Да и вельможного бачъ Пана
Изъ Запорожья Атамана
Щось доля не була плоха.

Коханецъ вѣйсковои славы
Синіокаптанковатый Шведъ
Надвынувъ на степы Пилтавы;
Петро тудыжъ повивъ передъ.
Насупротывъ воны посталы,

Якъ треба вѣйсько вгамовалы,
Все пидь мушкетомъ ни белмесь.
И бачить Карль, зовсимъ не тее,
Туть не рушенье висковее,
Не Нарскихъ бачыть неотесь;
Туть висько все було одбирне
Въ строю и пишее и кинне,
Штыкивъ блескучихъ цилый лись.
И винь сказавъ: »ось завтра вранци
Я вамъ Москалыкы, поганци
Цыбульки пиднесу пидь нись.»

Ничь свить обкутала собою;
Москаль и Шведь уже хропе.
Гень пить полаткою одною
Щось то шушука, то гуде.

М А З Е П А.

Послухай Орлыкъ, ни, я бачу,
Що тута добре обмыльвсь!
Зробивъ безъ глузду, на удачу,
Изъ Карломъ рано подружывсь;
Винь хлопець, нибыто проворный,
До ризаныны геть моторный,
Регочется протывъ гармать; —

Та не іому, мини здається,
Петра посмыкати доведеться,
Петро — ему не пани-братъ.
Карль прындытся, да ушыруе,
На долю все свою кладе,
Про Нарву тилки и товкуе.
Не знаю, якъ намъ припаде,
Соромляюсь, та що робыты!
Здуривъ и я, на стари лита
Кругомъ себе оцыркіювавъ.

О р л ы к ъ

А ябъ не такъ оце казавъ;
Подождемо кинця мы дилу,
Якъ поскубемъ Цареву сылу,
Дамо замирье Москалю.

М а з е п а

Ни, пизно вже теперъ Царю
Зо мною братику мырытся,
Не те въ души мойй сыдыть;
Давно мій духъ на іого злытся
И серце ные и кыпыть.
Въ ночи — Азовъ якъ воевалы —

Зъ Царемъ у ставци мы гулялы,
Зъ іого боярѣ тутъ де хто бувъ,
Я не до шмыгы щось белькнувъ:
Злякалысь гости, обомлилы,
Царь зъ сердца чарку упустывъ
И за отціи усы били
Мене, чы чуешь!—ухопывъ!
Замовчавъ я, зыгнувши спыну
У грудяхъ злисть мою здавивъ;
И, мовъ маты ту дытыну,
До сіого часу доносывъ.
Теперь, нехай соби литае,
И не треба хоронить!
Я знаю, якъ Петро бажае,
Щобъ зновъ мене за усъ водыть.
Та ще побачымъ хто зволае,
Кому тикать; колыбъ зоря!...
Сказавъ, и очи зачыняе
Израдчыкъ билого Царя.

Давъ Госпидь свить, наставъ день
билий,
Блыснула на трави роса.
Ревуть гарматы; дымъ пресывый

Геть, геть, пишовъ пидъ небеса,
Повкы ряды свои зымкнулы,
Стрильци шатырять по терну;
Черкають ядра, свыщуть кули;
Зъ штыкивъ збудовано стину.

Извыкшы зъ малку побываты,
Знай лизуть Шведы на гарматы;
Мовъ выхоръ конныця летыть,
Пихота швендяе за нею.
Все поле якъ огнемъ горыть,
Ничуть ничего за ризнею,
Скризь гвалть, зыкъ, галась, скризь гре-
мыть.

Ажъ ось, куды намъ лучше стало!
То тамъ, то тамъ втикае врагъ:
У суточкы давъ Розень драла,
Издавсь сердега Шлипенбахъ;
Синіокаптанныкивъ здавымы,
Богацько склызло ихъ значкивъ.
Самъ Богъ давъ Москалеви сылы,
И ихъ царя и праве дило
Святый зъ небесъ благословывъ.

Межъ виськомъ mocno щось гукае

Почулы речь царя Петра:
»За дило зъ Богомъ.» «изъ шатра
Винь самъ зъ боярствомъ выхожае,
Мовь matka зъ роємъ вылитае.
Цереви пидвели коня,
Винь сивъ; кинь огыремъ гарцюе,
Стрыба, на взаводы басуе,
Кача въ середыну огня.

Уже обиды; сонце гріе;
Ущухла трохи гуркотня.
Не де козакъ зачервоніе! . . .
Нема ни дыму ни огня.
Агу! все поле заревило
Скризь обызвалося ура;
Повкы побачылы П е т р а.
За нымъ бояре копотили,
Чоло Москвы, одынь въ одышь:
И Шереметьевъ благородный,
И Брюсь и Боуръ и Репнынъ,
.

Генъ передъ Шведамы своїмы
Карль изъ носылокъ выглядавъ;
Винь лупавъ, мовь сова, очыма,
И щовъ пымынько сумовавъ.

Не залюбивъ небижчыкъ кули,
Його що вранци подоцькнулы!
Рукою мовчки винъ кывнувъ
И на Петра повкы пужнувъ.

Зыйшлося вйсько, зновъ на полъ;
Трещать, бряжчать, шаблюкы голи,
Гримъ изъ гармать заклекотивъ,
Зъ гвынтивокъ кули засвытили;
Заржалы кони, захропили.
Уручь схопымыся повкы,
Москаль и Шведъ и козаки;
Якъ дрова народъ такъ крышылы;
Шпыгалы пидъ боки штыкы,
Межъ людомъ ядра заскакалы,
Видъ крови людкои шкварчалы,
Кругомъ ревило та гуло.
Прямее пекло тамъ було!

Усе староство виськовее
Якъ мога на поле глядыть.
Хто бьется дуже, хто не тее,
Хто драла давъ, а хто стоить,
Кому пислать пидмогу треба,
Кому ыты куды пора,

Про те балакають межъ себе.
Били Московского Царя
Стоить дидь, дуже, дуже сывый;
Коньченько хвылясто-грывый
Юго до виська не несе.
Пидь руки, два юго держало,
Набилый свить дывывсь винь мало;
Для юго повмирало все.
Палій! Сыбирь тебе зушыла!
Уже на жакъ твій козаки
Не позбираются въ повки;
Захляла молодецька сыла!
Чогожъ винь такъ замызковавъ?
Чого винь ставъ темнищый ночи?
Чого такъ страшно свитять очи? —
Оце Мазепу винь пизнавъ!
То ворогъ, сердце заболело,
Свій рикъ, свое не моцне тило
Мабуть у перше винь проклявъ.
По середынци Сердюкивъ
Та денеякихъ козакивъ,
Мазепа ходячы сумуе.
Издаду выстриль; винь зырнувъ,

То Войнаровский такъ лыгнувъ,
Въ його рукахъ мушкетъ дымуе,
А недалечко, молодой
Козакъ, въ пылу въ крови валявся;
Почувшы волю кинь порскый,
Геть степомъ, выбрыкомъ побрався.
Козакъ на Гетьмана скакавъ,
Його убить козакъ бажавъ.
До його Гетьманъ пидъижжае
Чогось у його ще пытае,
Та пизно вже пытать теперь;
Козакъ мовчить, козакъ умеръ!
Изъ любыщъ загубывъ винъ душу,
Зъ любкывъ и голову поклавъ,
Бо мья коханее Маруси
Вмираючы ище шептавъ.

Настала гарная година
Пьятамы Шведчынь накывавъ,
Москаль у трышя погнавъ;
Дала до лясу Нимцивъ сыла,
За ными конныця пира,
Шаткуе на-здогинци коле.
Видъ крови червоніе поле,

А мертвихъ, скривъ лежить гора.

Петро на radoщахъ гуляе.

Винъ Шведивъ плинныхъ самъ витае,

Витае и бояръ своихъ,

И чарку повну наливае

Мовлявъ — «за Спекторивъ моихъ!»....

Та дежъ той Карлъ, що въ гости ждалы,

Кого, мовъ щипку обчухралы,

Чому до гурту винъ нейде?

— Не ма бо тутъ його нигде:

Король, у купи и Мазепа,

Далеко парють середъ степу,

И вавку Карлъ свою забувъ;

Якъ мога день и ничъ чухрае,

Насилу челядь зъ нымъ зъижжае.

Такъ зъ пидъ Пилтавы винъ дмухнувъ!

У Карла зъ боку Гетьманъ скаче

Кругомъ очыма обзыра.

Гулькь, хуторъ у степу побачивъ;

Ушкварывъ прудко край двора,

Щось буцимъ-то його злякало.

Безъ народу, стоявъ той двиръ

Де перше вешталось чымало;
Знай витромъ хвирткою качало,
И садъ ставъ, сказано, пустырѣ.
Пизнавъ будынокъ ты гадюко
Де заплодивъ и смерть и муку?
Хочь перше й весело було,
Де ты гулявъ, неразъ, поганый
Де чарку пивъ въ беседи гарній,
Ховаючы свое жало;
Поки до того не влестывся,
Що зло компоновать пустывся:
Дытыну у ночи укравъ
Одъ батько ридного.... пизнавъ?

Скрызь хмары небо застымають;
Ночна доба. Биля Днипра;
На берези соби куняють
Невирни ворогы Петра.
Забувшы вѣйсько и Пилтаву,
И Москаливъ вельку славу,
На спорыши Карлъ гарно спавъ.
Та сонъ Мазепу облитае,
Покій видъ його утикае;
Юму все все жарко, винъ стогнавъ,

Аж чуе, хтось іого позвавъ;
Зырнувъ.... изъ ляку затрусывся,
До іого близько хтось схылывся.
Обшарпана, худа, блидна,
Дивоцьку косу розпустыла,
Очыма, нибы звирь свитыла,
Нагнувшысь передь нимъ вона.
«Що се таке? се ты Маруся?»

М А Р У С Я

Мовчы, почують насъ боюся,
Тыхенько шепоты теперъ,
И маты й батько мій умеръ!

М А З Е П А

Та що ты мелешъ, Богъ съ тобою,

М А Р У С Я

Послухай, що вони зо мною
Хотили заразъ изробыты!
Якъ мусылы мене дурыты!
Куды втикать въ такую пору?
Куды диваться зъ поговору?
Якъ речъ скаженихъ зупыныты?
Вона мини теперъ казала,
Що батька вже мого нема;

Іого я голову держала,
Да то не людська голова.
А вовча, бачышь якъ дурыла.
Вона Марусю, чуешъ ты!
Щобъ не гадала, й не хотила
Зь тобою серденько втекти?
Чи можно?» Гетьманъ мовчки слуха
Що дриботыть іому вона.
Ізновъ не перевившы духу
Вона казаты почала:
»Я знаю празныкъ, тыскъ, народу
И мерцвякы, якого зброду!
Туды я зь матирью ышла.
Та дежъ ты бувъ? зь тобою ризно
Нужуся далеби що я!
Ходимъ до дому, глянь якъ пизно
Скрутылась голова моя;
Тебе, я мала за другого,
Ты старцюга, якый страшный!
Ни, гарный бувъ Мазепа мій,
А ты, такъ здавсь на чорта злого.
Вь іого очу якъ жарь любовь,
А речи видь огню жарчищи.
Видь снигу усь іого билищый,

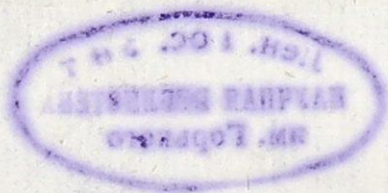
А твій помазаний у кровъ.»
И зъ реготомъ завизкотила,
И мовъ лыхый їи змызавъ.
Мазепине трусьлось тило,
Іого цыганьскый пить проньмавъ.
Мовъ смертю на іого сопнуло,
За шкуру снигомъ мовъ сыпнуло,
И волосъ шапку пидсувавъ.

Изсклызла ничъ и небо сяе;
Ось швыдко сонечко блысне.
Шведъ не хропе. Доба другая
Изнову на коня жене.
Потраву козаки варылы,
А генъ, на берези Днипра,
Драбанты конькивъ поилы.
Прокынувсь Карль:» ого, пора!
Вставай Мазепе, вже свитае.»
А винъ, давно, давно не спыть;
Туга весь духъ іого зпире
И сердце теплее крушить.
Винъ мовчкы чорного сидае;
За Королемъ покопотивъ —
И очи Гетьмана блыщали,

Колы воны перескакамы
Конецъ украинскихъ степивъ.

Уже сто литъ перевернулось,
Якъ се робылось на земли.
Давно и племя те мынулось;
Сыны шукать батькивъ пищмы.
Рушенья виськового славы,
И ризаньны и побидь,
Якъ дымъ пропавъ червоный слидь.
И тилько ты Сподарь Пилтавы,
Межь людомъ моцной державы,
За те вси дякують тоби,
Втявъ грану памьятку соби.

Де витрякивъ окиль крылатый
Бендеры мовь обгородывъ,
Де бродять буйволы рогати
Межь дуже давнишнихъ гробкивъ;
Тамъ выдно цеглы ворохъ цильй,
Та цегла мохомъ поросла.
И кажуть, що отъ видтиля
Король, до дуру дуже смилый,
Всю челядь пидь мушкетъ зыбравъ
Въ останнй зь Туркомъ жартовавъ.
А про Мазепу ни пивъ слова

Ни одь кого и тамь нечуть,
Юго заклекотила путь;
И тильки, бачь, що годь то знову
Вь церквахь Анаѳему кленуть.
Да е святая та могыла
Де Искра и Кочубей лежать;
Ихь церковь зь мыромь схоронила.
Цвите вь деканьци цилый рядь
Дубивь, воны пидь чась шумлять
Унудамь, якь дидивь згубили,
Бо приятели ихь садылы
Тогди на памьятку у садь.

А дежь дочка? — ниhto не знае;
Нонречуть еи ни словця.
Ниhto не зна ии конца.
Хыба вь сели якь старець грае
На кобзи, велячыну брыньчыть,
Про еи писню заспивае:
Кругомь козацтво ажь кышыть;
Слюзкы вь очахь дывчачихь сяють,
Чубамы парубкы кывають,
И дидь насупывшысь сыдыть,
Згадавши стародавний свить.

К 1911 С

[70p]

Купон